

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Северной Европы исторического факультета, Петрозавод-
ский государственный университет
golubevalexei@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА «ФИНЛЯНДИЗАЦИЯ» В ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ 1960–80-х годов

Статья посвящена возникновению и эволюции термина «финляндизация» в западных политических дискурсах в период холодной войны. В статье на основе широкого круга источников анализируются различные контексты употребления данного понятия, а также рассматривается его роль в формировании стратегий взаимоотношений западных стран с СССР и в борьбе между правыми, левыми и умеренными политическими силами на Западе.

Ключевые слова: финляндизация, холодная война, политический дискурс, история понятий, политическая философия

Окончание Второй мировой войны и начало холодной войны радикально изменили положение Советского Союза на международной арене. Начиная с середины 1940-х годов советское правительство отказалось от относительно осторожной и сдержанной внешней линии, которую оно проводило до 1939 года, и стало одним из основных действующих лиц в мировой политике. Активная, а по многим вопросам и агрессивная позиция СССР вынудила политическое руководство стран Запада заново выработать стратегию отношений с Советским государством. Одним из основных вопросов, которые при этом возникли, был вопрос о приемлемости нейтралитета в мире, поляризованном противостоянием между социалистическим и капиталистическим блоками. Для правых политических сил на Западе нейтральная позиция третьих стран воспринималась как мера, ведущая к советской экспансии или по крайней мере росту советского влияния. Их позицию в полной мере отразила знаменитая фраза Джона Фостера Даллеса, государственного секретаря США при президенте Дуайте Эйзенхауэре в 1953–1959 годах: «Понятие нейтралитета все больше и больше устаревает, и за исключением очень редких обстоятельств эта концепция аморальна и неадекватна» (цит. по: [39; 186]). Опасения западных политиков по поводу нейтралитета в Европе отразились, например, в неприятии ноты правительства СССР от 10 марта 1952 года (так называемой «ноты Сталина»), в которой предлагалось воссоздание единой Германии на условии ее нейтралитета [35], или в спорах между четырьмя оккупационными державами по вопросу об австрийском нейтралитете [44]. В более широком контексте эти опасения выразились в резкой критике политики «разрядки» 1970-х годов со стороны правых политических кругов США, прежде всего Рональда Рейгана [41].

Если на внешнюю политику США позиция правых политических сил оказывала определя-

ющее влияние, особенно в 1950-е и 1980-е годы, то европейские политики относились к подобным бескомпромиссным взглядам с осторожностью и проявляли большую гибкость в поисках способов мирного сосуществования с восточным блоком [32]. Тем не менее вопрос о том, насколько нейтралитет способствует распространению советского влияния в Европе, никогда не исчезал из западных политических дискуссий. Именно этот контекст и определил важность советско-финляндских послевоенных отношений для западной политики в годы холодной войны.

6 апреля 1948 года в Москве подписан договор, согласно которому Финляндия брала на себя обязательство не допустить использование своей территории для агрессии против СССР [1]. Финляндии удалось избежать послевоенной «советизации», однако наличие определенных обязательств перед СССР вынуждало финское правительство проводить осторожную политику уступок по отношению к Москве. Внешняя политика Финляндии должна была согласовываться с советским правительством, к тому же фактор возможного советского вмешательства неоднократно возникал и во внутренней политике Финляндии [34]. При этом Финляндия сохранила демократические институты и рыночную экономику и в идеологических, экономических и культурных вопросах совершенно очевидно тяготела к Западу.

Для западных политиков интерес к советско-финляндским отношениям лежал далеко за пределами их озабоченности будущим Финляндии. Промежуточное положение Финляндии как западной страны, вынужденной пойти на значительные уступки СССР, но сохранившей при этом свой общественно-политический строй, давало пространство для различных, иногда противоречивых интерпретаций, посредством которых западные политические силы стремились понять внешнюю политику СССР и выработать

возможные ответные стратегии. Обращение к советско-финляндским отношениям как к объекту для интерпретации советской внешней политики стало настолько частым, что в начале 1960-х годов в западном политическом словаре появился новый термин – «финляндизация». Этот термин прошел через период популярности и полужабвения, однако в конце концов все-таки вошел в энциклопедии и словари [37], [38] и до сих пор сохраняется в политической практике.

В современном значении этот термин обозначает «политику или действия страны, которая, не являясь формально частью советского блока, стремилась поддерживать близкие отношения с СССР и тем самым дистанцировалась от традиционных союзников» [37; 319]. Однако его современное значение сформировалось не сразу. Как неологизм термин прошел через несколько стадий, на которых различные политические силы, участвовавшие в политических дискуссиях о природе советско-финляндских отношений, стремились изменить его значение или даже совершенно дискредитировать его. В данной статье на основе финских, западногерманских и англоязычных (США и Великобритания) источников мы постараемся проследить эволюцию этого термина в западных политических дискурсах периода холодной войны. Изучение эволюции этого термина позволяет понять, как в спорах между различными западными политическими силами рождалось то понятийное пространство, в границах которого западные политики вырабатывали более гибкие внешнеполитические стратегии в отношениях с СССР. В теоретическом отношении наше исследование тяготеет к немецкой школе истории понятия (*Begriffsgeschichte*).

Первые отсылки к советско-финляндским отношениям как одной из возможных моделей европейского нейтралитета возникли в связи с переговорами по вопросу австрийского нейтралитета (1953–1955 годы) [43]. Однако пристальное внимание на советско-финляндские отношения западные политические комментаторы обратили чуть позже, в период так называемого «нотного кризиса», разразившегося между СССР и Финляндией в конце 1961 года. Благодаря этому кризису президент У. К. Кекконен на выборах в январе 1962 года был переизбран уже в первом туре, хотя до начала кризиса вероятность его переизбрания на второй срок была под вопросом. Совпадение «нотного кризиса» и президентских выборов в Финляндии породило многочисленные гипотезы о том, что СССР использовал зависимое положение Финляндии для поддержки удобного ему кандидата [34; 330–333]. Западные правые силы с подозрением относились и к мирным инициативам У. Кекконена, который, в частности, предлагал создание безъядерной зоны в регионе Балтийского моря. Неудивительно, что с 1969 го-

да, когда западным правым силам потребовалось новое понятие для дискредитации нового западногерманского правительства Вилли Брандта, настроенного на диалог с восточным блоком, в западной прессе начинается активная апелляция к советско-финляндским отношениям как той модели, по которой может пойти развитие Западной Европы из-за политики уступок ее лидеров советскому давлению по различным вопросам: «Один из специалистов по России и Европе в правительстве [США] называет это попыткой “финляндизации” Западной Германии. Из-за советского давления финны постепенно изменили свою внутреннюю и внешнюю политику, чтобы лучше соответствовать русским пожеланиям. Они уступили русским предложениям о составе своего собственного правительства» [7].

Ранние примеры употребления данного понятия показывают, что финляндизация воспринималась как намеренная политика советского руководства с целью склонить западные демократические режимы к уступкам и тем самым облегчить дальнейшую советскую экспансию в Европе [13]. Однако понятие финляндизации никогда не стало бы столь популярным, если бы его значение подразумевало, что угроза утраты суверенитета западными странами заключается только в давлении со стороны Советского Союза. В широкое употребление оно вошло с иным оттенком значения, который вскоре стал основным: финляндизация воспринималась как процесс, в котором «финляндизируемое» государство добровольно шло на уступки и утрату своих суверенных прав. Именно это значение стремились актуализировать противники «новой восточной политики» Вилли Брандта, используя понятие «финляндизация», что демонстрирует следующий отрывок из интервью Брандта журналу «Шпигель»: «Шпигель: Ваши оппоненты утверждают, что [Ваша] внешняя политика – умышленно или неумышленно – несет в себе опасность того, что связь ФРГ с Западом неизбежно ослабнут и как следствие возникнет риск “финляндизации” ФРГ.

Брандт: Я полагаю, что Штраус¹ уже не один год пытается высказать эту мысль с помощью “финляндизации”. Это... не очень вежливо по отношению к дружественной нам стране, которая смогла в тяжелых обстоятельствах восстановить свою экономику, сохранить независимость и демократическую целостность и играет важную роль в европейском и международном сотрудничестве» [28].

Данная цитата, помимо прочего, показывает еще и основную контекст, в котором употреблялось понятие финляндизации, – политическую борьбу между правыми и левыми силами в Европе. Как показывает приведенный выше пример, Франц Йозеф Штраус, лидер консервативной партии «Христианско-социальный союз», сделал обвинение в финляндизации Западной Германии

общим местом своей политической борьбы против социал-демократического правительства Вилли Брандта. Тем самым использование понятия, подразумевающего добровольную уступку суверенитета, помимо дискредитации внешней линии нового немецкого руководства, позволяло правым силам набирать очки и во внутриполитической борьбе. При этом противостояние правых и левых сил не ограничивалось национальными границами, что демонстрирует следующий пример: «Хотя [французские] коммунисты и не оказали сильной поддержки [Франсуа] Миттерану, оппоненту Жискара [д'Эстена] от социалистической партии, они, вне всякого сомнения, возьмут свое в виде ключевых постов в правительстве в случае победы Миттерана. Это станет первым шагом к финляндизации Франции, после чего она очень скоро будет вовлечена в сферу советского влияния – как и все другие страны, чьи народы уже допустили проникновение коммунистов в свои правительства» [3].

Автор данной статьи, опубликованной в провинциальной американской газете, использует понятие финляндизации для описания негативных внутри- и внешнеполитических последствий, к которым приведет избрание социалиста Франсуа Миттерана на пост президента Франции. Маловероятно, что он рассчитывал на французский электорат как на свою читательскую аудиторию. Речь идет, очевидно, о формировании общественного мнения в самих Соединенных Штатах, ведь именно оно могло в значительной степени повлиять на процесс принятия решений во властных структурах США. Тем самым посредством использования данного понятия – как и ряда аналогичных – правые силы стремились сформировать общественную поддержку более жесткого курса западных стран.

Частое обращение к термину «финляндизация» в западной прессе сделало возможным его дальнейшее развитие. В апрельском номере журнала «Комментарии» за 1974 год была опубликована статья под заголовком «Делая мир более безопасным для коммунистов» [24]. Ее автор, теоретик американского неоконсерватизма Норманн Подгорец, утверждал, что политика разрядки является чередой уступок советскому коммунистическому режиму. Это приводило к «финляндизации духа», или «финляндизации изнутри», – добровольному признанию ведущей роли СССР в мире и отказу от попыток противостоять его растущему влиянию. По сути дела речь шла о становлении новой категории правой политической философии, которая пыталась представить внешнюю политику «разрядки», основанную на компромиссах и диалоге с СССР, как ведущую к гибели западного мира.

Финляндизация как категория политической философии окончательно оформилась в работах американского историка и политического ана-

литика Уолтера Лакера. В 1980 году он опубликовал книгу «Политическая психология умиротворения», которая открывалась программным эссе «Финляндизация» [17]. В данном эссе анализируется ряд сюжетов политической истории Финляндии, которые автор интерпретирует как уступки Советскому Союзу со стороны финского руководства ради сиюминутных политических выгод. Эти уступки, по его мнению, привели к фактической утрате Финляндией независимости. Однако собственно судьба Финляндии его не интересует: «...в действительности значение [феномена финляндизации] заключается, разумеется, в том, что Финляндия является моделью», которая могла стать опасным прецедентом подчинения западных стран советской политической воле [17; 6]. Единственной альтернативой финляндизации в Европе, с его точки зрения, являлась борьба с распространением пацифизма, коммунизма и национализма, альтернативой которым мог стать только евроатлантизм. Это и являлось действительным посылом и этого, и других текстов автора [18].

Негативный образ советско-финляндских отношений, выраженный в понятии финляндизации, не мог не вызвать болезненной реакции финского политического руководства. Не в силах повлиять на употребление данного термина, оно постаралось переформулировать и изменить его значение – иными словами, предложить новую, более позитивную для Финляндии интерпретацию финляндизации. Урхо Кекконен, президент Финляндии с 1956 по 1982 год, был особенно заинтересован в этом проекте, поскольку именно его имя в западной консервативной прессе неизменно ассоциировалось с добровольными уступкам СССР в обмен на поддержку во внутриполитической борьбе. Он, как и другие представители финского руководства, неоднократно давал свою трактовку финляндизации как политики, помогающей избежать конфронтации и поддерживать добрососедские отношения между двумя странами с различными политическими и социально-экономическими системами: «Мы не предлагаем договор 1948 г. как пример другим нациям, однако в качестве примера для всех мы предлагаем его результаты: доверительное и конструктивное сотрудничество между странами с различным общественным устройством. Это и является настоящей “финляндизацией”. Если она будет употребляться в этом значении, мы даже порекомендуем это новое слово для всеобщего употребления, пусть изначально оно и было изобретено для дискредитации Финляндии» [15; 98].

Усилия финского руководства оказались тщетными. Как уже упоминалось выше, понятие финляндизации использовалось, как правило, против либеральных и левых политических сил в Европе, стремившихся найти *modus vivendi*

в отношениях с социалистическим блоком. Однако даже политические силы, оказавшиеся мишенью для этого понятия, не могли поддержать видение европейской политики, основанное на примере советско-финляндских отношений. Так, например, в 1973 году «Шпигель», популярный в ФРГ общественно-политический журнал, стоявший на либеральных позициях, опубликовал большую статью под заголовком «Финляндизация: пример или опасность?», посвященную попыткам Кекконена дать новую интерпретацию данному термину [10]. Эта статья критически отзывалась об использовании Кекконеном «советской карты» как специфического ресурса для борьбы с внутривнутриполитическими конкурентами, и хотя ее автор одновременно характеризовал термин «финляндизация» как оскорбительный, эти два посыла очевидным образом противоречили друг другу.

В этом противоречии и видится основная причина того, что западным левым и либеральным политическим силам не удалось дискредитировать понятие финляндизации и тем самым лишить его веса в правой политической аргументации, хотя подобные попытки предпринимались неоднократно. Аргументация против уничижительного контекста, в котором использовалось данное понятие в правом политическом дискурсе, обычно концентрировалась на тех преимуществах, которые Финляндия сумела получить от политики мирного сосуществования с СССР. В цитирувавшемся выше интервью В. Брандта журналу «Шпигель» канцлер ФРГ, например, приводит в качестве примера выгод, полученных Финляндией от политики дружественного нейтралитета по отношению к СССР, быстрое восстановление экономики, важную роль Финляндии на международной арене и сохранение демократических институтов [28]. Однако авторы подобных публикаций были вынуждены констатировать и определенную цензуру в Финляндии, и отсутствие публичной критики советских внешне- и внутривнутриполитических действий, и практику выдачи советских перебежчиков. Это неминуемо снижало эффект от подобной критики негативного образа советско-финляндских отношений, который сложился в правом политическом дискурсе.

Как следствие – все эти попытки не оказали влияния ни на популярность понятия финляндизации, ни на его основное значение в течение 1970-х и 1980-х годов, как показывают собранные нами примеры из публикаций в западной прессе². Либеральному политическому дискурсу удалось отчасти изменить лишь контекст его употребления, применив его по отношению не к Западной, а Восточной Европе. В этом контексте *modus vivendis* финского образца казался для западной аудитории гораздо более привлекательной альтернативой, чем существующие в вос-

точноевропейских странах однопартийные системы, подчиненные воле КПСС [26].

Данный контекст, впрочем, оставался вторичным вплоть до второй половины 1980-х годов. Между тем к началу 1980-х годов использование термина «финляндизация» в негативном контексте стало настолько общепринятым, что руководство Финляндии стало воспринимать эту ситуацию как реальную угрозу национальной безопасности. Иначе нельзя объяснить тот факт, что в опубликованной в 1980 году в Хельсинки книге «Взгляды на политику безопасности Финляндии в 1980-е гг.» отдельная глава была посвящена негативному влиянию понятия «финляндизация» на международный образ страны и представляемой им угрозе национальной безопасности Финляндии [14]. Аналогичный пафос присутствует и в опубликованной в 1983 году книге «Вехи пути: Взгляд на внешнюю политику Финляндии», автором которой был Мауно Койвисто, следующий после У. Кекконена президент Финляндии [16]. В обеих публикациях авторы отмечали, что значение термина «финляндизация» развивается по логике, не зависящей от реального положения дел в советско-финляндских отношениях, и что финское руководство бессильно как-либо изменить эту ситуацию.

И все же на короткий период времени – примерно с 1988 по 1990 год – либеральному дискурсу удалось навязать понятию финляндизации значение, в котором модель советско-финляндских отношений применялась по отношению к Восточной Европе и Прибалтике. В этот период, несмотря на радикальные демократические изменения в социалистическом блоке, фактически никто еще не верил ни в скорую утрату Советским Союзом статуса сверхдержавы, ни в сам распад СССР. Поэтому изменение политического положения восточноевропейских стран, а с 1990 года – и прибалтийских республик по образцу Финляндии для многих политических сил казалось идеальным вариантом развития событий, когда кажущейся реальной альтернативой представлялось силовое подавление этих демократических преобразований. В этот период в западной прессе и политической литературе публиковались многочисленные статьи о применимости в странах Восточной Европы финского опыта сосуществования с СССР, как, например, следующий пример из «Нью-Йорк Таймс»: «На семинарах и в министерствах иностранных дел Западной Европы ведутся разговоры об упадке западной империи Советского Союза, что может, согласно оптимистичным сценариям, привести к “финляндизации” Восточной Европы. Когда-то уничижительное определение того, что может случиться с Западной Европой в результате советского шантажа, сейчас “финляндизация” предполагает провозглашение нейтралитета такой страной, как, например, Венгрия, которая может осторожно

выскользнуть из советской сферы влияния и получить такой же статус, как Австрия» [22].

Впрочем, к 1991 году, когда неспособность советского руководства удержать восточноевропейские страны в зоне своего влияния стала очевидной, финляндизация как возможный сценарий развития событий в постсоциалистическом пространстве снова приобрела негативное значение в западной прессе [4].

С распадом СССР на короткий период времени термин «финляндизация» исчезает из западной политической прессы, за исключением Финляндии, где именно с этого времени начинается активное общественное обсуждение природы советско-финляндских отношений, а также использование этого понятия для дискредитации противников вступления Финляндии в ЕЭС/ЕС [42]. Забвение или, скорее, неиспользование термина «финляндизация» в западной политической прессе сохранялось в течение 1990-х годов. Впрочем, в последнее десятилетие наблюдается возвращение к использованию этого термина в его традиционном значении — для обозначения потенциальных угроз европейским странам со стороны теперь уже не СССР, а Российской Федерации.

В целом в период 1960–80-х годов термин «финляндизация» получил широкое использование в западных политических дискурсах, в особенности как категория правой политической философии, где он использовался для обозначения тех опасностей, которые могли повлечь за собой уступки по отношению к советской политике в Европе. Популярность понятия финляндизации объясняется его одновременной внутри- и внешнеполитической направленностью, поскольку, помимо формирования бескомпромиссной внешнеполитической линии по отношению к СССР, оно активно использовалось для дискредитации левых и умеренных политических движений и тенденций в западных странах. Попытки дискредитировать или изменить значение понятия финляндизации со стороны финляндского руководства и западных умеренных политических сил окончились неудачей, что демонстрирует его регулярное использование в публикациях 1960–80-х годов. Таким образом, правым силам удалось сформировать устойчивый негативный образ советско-финляндских отношений и распространить его на любые возможные формы просоветского нейтралитета. Недолгое доминирование позитивного образа модели советско-финляндских отношений применительно к сценариям раз-

вития Восточной Европы в период 1988–90 годов не изменило основное значение понятия финляндизации, что демонстрирует современный контекст его использования в западной прессе.

Объяснение, почему правое толкование данного понятия безусловно доминировало в западных политических дискурсах периода холодной войны, можно найти в природе стоящей за ним политической аргументации. Правый политический дискурс апеллировал прежде всего к моральной политике. Используемая в нем аргументация основывалась на тех идеологических ценностях, которые подразумевали борьбу против коммунизма во всех его проявлениях. Работы Уолтера Лакера, Нормана Подгореца и других западных политических обозревателей, аналитиков и философов, апеллировавших к понятию финляндизации, окружали его такими узнаваемыми понятиями, как свобода, независимость, добродетель, мораль, этика, — иными словами, делали его частью того интертекста, который современные читатели ассоциировали с классическими образцами западной политической философии и, шире, протестантского гранд-нарратива в целом. В то же время в аргументации их оппонентов финляндизация рассматривалась как реальная политика (нем. *Realpolitik*), где внешнеполитический курс Финляндии оценивался с точки зрения того, какие выгоды она получала взамен за сделанные ей уступки. Соответственно, через соотношение уступок и привилегий оценивался и дружественный по отношению к СССР нейтралитет как возможный сценарий для других стран. Данная аргументация, несомненно, проигрывала с точки зрения эмоциональной и моральной привлекательности более простой и убедительной правой трактовке финляндизации, к тому же правые политические силы регулярно дискредитировали ее, сравнивая, например, с политикой умиротворения нацистской Германии западными державами в 1937–1938 годах. Вследствие этого ключевым фактором оказалась именно интерпретация финляндизации как «аморальной» политики, что в условиях идеологического противостояния времен холодной войны сделало ее более востребованной, чем любые другие альтернативные интерпретации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (AZ 03/SR/10).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Франц Йозеф Штраус, влиятельный немецкий политик, один из лидеров баварской партии «Христианско-социальный союз», последовательный противник «новой восточной политики» Брандта.

² К настоящему времени нами собрано свыше четырехсот употреблений данного термина только в англо- и немецкоязычной прессе.

ИСТОЧНИКИ

1. Известия. 1948. 7 апреля.
2. Черчилль У. Триумф и трагедия. М.: Олма-Пресс, 2004.
3. A close call // The Milwaukee Sentinel. 1974. May 21.
4. Bohlen C. Hungary Resisting Moscow's Shadow // The New York Times. 1991. April 28.
5. Buchanan P. The Road to Finlandization // The New York Times-News. 1980. March 3.
6. Buckley W. Carter policy stoked Mideast flames // Beaver County Times. 1980. October 1.
7. Cromley R. Classic Red tactic, be it Vietnam or West Berlin // Prescott Evening Courier. 1969. February 27.
8. «Finlandization» in Action: Helsinki's Experience with Moscow. CIA Intelligence report. August 1972 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.foia.cia.gov/CPE/ESAU/esau-55.pdf>
9. Finlandization in no Answer for Afghanistan // The New York Times. 1981. January 12.
10. Finnlandisierung – Vorbild oder Gefahr? // Der Spiegel. 1973. № 17. S. 98–101.
11. Harrison S. Afghan 'Finlandization'? // The New York Times. 1980. December 22.
12. Harrison S. Dateline Afghanistan: Exit Through Finland? // Foreign Policy. 1980–1981. Winter. № 41. P. 163–187.
13. Hart J. What of Soviet strategy? // Sarasota Journal. 1972. June 12.
14. Iloniemi J. Suomen kansainvälinen kuva ja «finlandisaatio». Suomi, Juhani (toim.) // Näkökulmia Suomen turvallisuuspolitiikkaan 1980-luvulla. Helsinki: Otava, 1980. S. 98–106.
15. Kekkonen U. Tasavallan Presidentin puhe YYA-sopimuksen 25-vuotisjuhlassa 4.4.1973 // Ulkopoliittisia lausuntoja ja asiakirjoja: 19. Helsinki: Ulkoasiainministeriö, 1973. S. 94–99.
16. Koivisto M. Linjaviitat: Ulkopoliittisia kannanottoja. Helsinki: Kirjayhtymä, 1983.
17. Laqueur W. Finlandization // Laqueur W. The Political Psychology of Appeasement. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1980. P. 3–22.
18. Laqueur W., Hunter R. (eds.). European peace movements and the future of the Western Alliance. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1985.
19. Lewis F. Why our European allies remain aloof // The Day. 1980. April 19.
20. Lowenthal R. After Cuba, Berlin? // Encounter. 1962. December.
21. Magnus Ralph H. (ed.) Afghan Alternatives: Issues, Options, and Policies. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1985.
22. Markham J. «Along The East-West Fault Line, Signs of Stress as Ideology Erodes» // The New York Times. 1989. February 26.
23. Mouritzen H. Finlandization: Towards a General Theory of Adaptive Politics. Aldershot: Avebury, 1988.
24. Podhoretz N. Making the World Safe for Communism // Commentary. April 1976. P. 31–41.
25. Singleton F. The Myth of Finlandisation // International Affairs. 1981. Vol. 57. № 2. P. 270–285.
26. Sulzberger C. L. A confusion of banalities // The New York Times-News. 1977. August 10.
27. Two meanings of Finlandization // Ottawa Citizen. 1986. May 24.
28. Was wir machen, mußte gemacht werden // Der Spiegel. 1971. № 40. P. 28–31.
29. Wisse R. Moral gulf separates communism from democracy // The Montreal Gazette. 1986. May 8.
30. What next for Russ after Afghanistan // The Milwaukee Sentinel. 1980. January 20.
31. World Press Portugal's Lifeline // The Sumter Daily Item. 1975. March 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

32. Веттиг Г. Н. С. Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов. М.: Росспэн, 2007.
33. Даннеберг Л. Смысл и бессмысленность истории метафор // История понятий, история дискурса, история менталитета / Под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: НЛЮ, 2010. С. 189–297.
34. Невакиви Ю. От войны-продолжения до сегодняшнего дня. 1944–2009 / О. Юссила и др. Политическая история Финляндии. М.: Весь мир, 2010. С. 344–340.
35. Родович Ю. В. О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 63–79.
36. Carver T., Jernej P. (eds). Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World. London: Routledge, 2008.
37. Finlandization / van Dijk, Ruud (ed.) // Encyclopedia of the Cold War. Vol. 1. N. Y.; London: Routledge, 2008. P. 319–321.
38. Finlandization // Webber E., Feinsilber M. Merriam-Webster's Dictionary of Allusions. Springfield, MA: Merriam-Webster, 1999. P. 200–201.
39. Gabriel J. M. The American Conception of Neutrality after 1941. London: Macmillan, 1988.
40. Holloway S. K. Canadian Foreign Policy: Defining the National Interest. Peterborough, Ont.: Broadview Press, 2006.
41. Kissenger H. Diplomacy. N. Y.: Simon&Shuster, 1994.
42. Moisio S. Finlandisation versus westernisation: Political recognition and Finland's European Union membership debate // National Identities. 2008. March. Vol. 10. № 1. P. 77–93.
43. Müller W. The Soviet Union and Austria, 1955–1991 // «Peaceful Coexistence» or «Iron Curtain»? Austria, Neutrality, and Eastern Europe in the Cold War and Detente, 1955–1989 / Suppmann A., Müller W. (eds.). Vienna: LIT, 2009. P. 256–289.
44. Ruddy M. European Integration, the Neutrals, and U. S. Security Interests: From the Marshall Plan to the Rome Treaties // Gehler Michael, Rolf Steininger. Die Neutralen und die europäische Integration 1945–1995. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2000. P. 13–28.
45. Vihavainen T. Kansakunta rähmällään: suomettumisen lyhyt historia. Helsinki: Otava, 1991.